

Иногда, когда слышишь что-то совершенно неожиданное, невольно замираешь на месте.

Именно это со мной и произошло.

— Ты можешь убраться с дороги? Можешь убраться? Ты вообще меня слышишь?

Ее слова отдавались в ушах, словно слуховая галлюцинация. Я окаменел, глядя на нее шокированным взглядом. Будь она тщеславной и грубой дворянкой без капли здравого смысла, я бы так не удивился. Шокировало то, что подобные вещи произносил персонаж, являющийся полной противоположностью.

— Не слышал, что ли? Ты загораживаешь мне проход, я не могу пройти.

Элейн слегка нахмурила левую бровь. В этот момент я вернулся к реальности.

Я почувствовал, как ее настроение портится. У нее была привычка хмурить левую бровь, когда она расстраивалась.

«Лучше держаться от нее подальше».

Я не знаю, что именно произошло между ними. Но одно ясно точно: эту эмоциональную пропасть не преодолеть на месте. Так что мне лучше отступить.

Если я останусь, это только ухудшит отношения.

— Аь, прости.

Я отошел в сторону.

Элейн прошла мимо, не взглянув на меня, ее шаги были твердыми и решительными.

«Ничего себе... вот это да... с самого начала такая серьезная?»

Я недоверчиво покачал головой. Второй курс в академии был бы бессмысленным без нее. Такой важный персонаж. И вот чем все обернулось?

— Макс, этот парень и правда...

Стать объектом такой ненависти со стороны персонажа с такой концепцией? Я бы не смог проверить такое, даже если бы очень старался. Этот парень... Что ж, спасибо тебе, спасибо.

Из-за него восстановить с ней отношения будет очень сложно. Я проворчал себе под нос и покинул это место.

— Фух.

Я вздохнул.

Элейн нахмурила левую бровь, у нее начинала болеть голова. Она неожиданно столкнулась с человеком, которого меньше всего хотела видеть. Это был невыносимый стресс.

«Я не понимаю».

Тот, кого она знала, Макс Селтрин, никогда не стал бы посещать нижний квартал. Здесь не было ничего, что могло бы его заинтересовать.

Изысканный ликер, хорошая еда, куртизанки высшего класса. У него не было причин приходить в это место.

Элейн нахмурилась, размышляя, зачем он пришел сюда, но так и не смогла найти ответа.

— Я не понимаю, — снова пробормотала она.

И дело было не только в этом случае. Макс был для нее самым непонятным человеком. Благородное происхождение. Наследник престижной семьи. Огромное состояние. Человек, наделенный всем, чему можно позавидовать. И все же он ничего не добился в академии. Он был практически неуспевающим студентом. Будь это единственной проблемой, ее еще можно было бы понять.

Всегда найдутся те, кто будет отставать, несмотря на все усилия, из-за недостатка способностей. Но это был не его случай.

Он был ленив от природы.

Он забросил учебу.

Он халатно относился к тренировкам.

Он ни разу не выкладывался на полную ни на заданиях, ни на практике.

Его можно было бы понять, если бы он любил выпивку или женщин. Но жить так беспечно, в свое удовольствие, было совершенно непостижимо. Как будто он люто ненавидел саму мысль о

том, чтобы приложить хоть чуточку усилий. И все же, это было бы еще полбеды. Если бы дело было только в непонимании, можно было бы просто держаться от него подальше.

Однако...

— Почему ты так ходишь?

Макс Селтрин с неприятной улыбкой спросил:

— О чем ты?

— У тебя красивое лицо, а вот одежда... Слишком вызывающе.

Замечание о ее красивом лице само по себе было домогательством, которое трудно было вынести. Но она сдержала гнев и продолжила:

— ...Вызывающе?

— Слишком просто. Ты же лучшая студентка второго курса лучшей академии, не так ли? Разве это не унижает твое достоинство? Почему бы тебе не купить себе новую одежду?

Этот взгляд... Я никогда его не забуду. Взгляд, в котором читалось полное презрение. Неважно, насколько ты хороша, ты все равно из низшего сословия. Было такое ощущение, что он именно это и хотел сказать. Меня затошнило, и я поспешила уйти.

Немного помучившись от тошноты, я наконец успокоилась. Затем меня охватила холодная ярость. Я вся дрожала. Невыносима была сама мысль о том, что такой лентяй будет обращаться ко мне с такой возмутительной грубостью и презрением. С того самого момента Элейн стала считать его самым отвратительным человеком.

— Хм.

Турк нахмурился, погруженный в раздумья. Причина была одна. 20 золотых монет, лежавших перед ним. Чрезмерно щедрая сумма за обучение. Ему не следовало их брать. Но он взял. Неужели он не смог противостоять искушению?

Нет, дело было не в этом. Несмотря на то, что он был в смятении, он намеревался отказаться. Но в этот момент тот произнес: «Имперский Стиль Номер Восемь. Мне этого достаточно. Я пришел сюда, чтобы научиться именно этому». Он упустил момент, чтобы отказаться, из-за этих слов.

Потому что его это потрясло.

Впервые он почувствовал, что кто-то признал ценность Имперского Стиля Номер Восемь. Он прожил с мечом в руках не один десяток лет, но ценность Имперского Стиля Номер Восемь не признавал никто и никогда.

Вместо этого к нему относились как к последнему дураку. За его спиной шептались, недоумевая, почему он так глупо цепляется за базовые навыки фехтования и не изучает более совершенные техники, доступные каждому. Каждый раз он делал вид, что не слышит, пропуская все мимо ушей. Он терпел, как будто его это не волнует. Но в душе у него копилась неизгладимая тяжесть.

Но сегодня человек, которого он видел впервые в жизни, словно стер часть этой тяжелой грязи.

— Кто он такой?

Его стильная и дорогая одежда говорила о том, что он отпрыск богатой семьи. По манере говорить — возможно, дворянин?

Но тогда вопрос становился еще интереснее. Будь он дворянином, он бы и не взглянул на что-то вроде Имперского Стиля Номер Восемь...

У него были бы средства, чтобы приобрести и изучить любую, самую лучшую технику фехтования.

— Не знаю.

Турк пробормотал себе под нос, снова переводя взгляд на золотые монеты.

Он невольно сглотнул. Честно говоря, сказать, что у него не было никакого желания получить эти деньги, когда он не смог должным образом отказаться, было бы ложью. Потому что у него была одна заветная цель. Приобрести приличный дом в среднем квартале. Ради этого он экономил каждый грош, отказывая себе буквально во всем.

«Во всем виноват только я».

Воспоминания о прошлых ошибках заставили Турка закусить губу.

По правде говоря, за свою жизнь солдата и наемника он скопил немалую сумму.

Денег хватало, чтобы позволить себе дом в среднем квартале.

Но он потерял большую часть денег из-за аферы, которую провернул его товарищ-наемник, которого он считал братом. Он остался без гроша в кармане за одну ночь. Он пытался всеми силами вернуть деньги, но мошенник уже исчез без следа.

Его жена, потрясенная случившимся, слегла и вскоре умерла. Все, что у него осталось, — это его единственная дочь, рожденная незадолго до этого. Турк решил поселиться в нижнем квартале и растить дочь в одиночку. Он был слишком стар для работы наемником, но брался за любую работу, где платили.

Ему удалось вырастить дочь, но в его сердце копились обида и вина.

Вина за то, что обрек дочь на нищету.

Вина за то, что никогда не мог купить ей красивую одежду.

Вина за то, что не смог обеспечить нормальным жильем.

— Хух.

Турк вздохнул.

Его дочь, достаточно умная, чтобы получить стипендию в лучшей академии, вскоре могла добиться такого положения в обществе и такого дохода, о которых он и мечтать не мог. Нет, она обязательно добьется. Но, зная это, Турк все равно копил деньги. Чтобы купить дом в среднем квартале собственными силами, как отец.

В этот момент дверь открылась, и Турк быстро спрятал деньги в карман.

— Я пришла.

Это была его дочь Элейн. С голубыми волосами, как у ее матери. Ее печальные глаза и красота также напоминали ему покойную жену.

— ...Тебе не нужно было приходить, — сказал Турк, успокаивая свое встревоженное сердце. Он не хотел показывать дочери золотые монеты. Потому что эти деньги не казались ему заработанными честным путем.

— У меня же каникулы.

— Может быть, но...

Несмотря на ответ дочери, Турк реагировал прохладно.

Его дочь, которая с тех пор, как поступила в академию, ни разу не опускалась ниже первого места в своем классе. Естественно, она жила в Королевском Зале, который в общезнании называли гостиничным номером. Он надеялся, что его дочь, которая жила в таком роскошном месте, не будет приходить в такую лачугу, если это возможно.

Таким было сердце отца.

— И я устала целыми днями сидеть в библиотеке.

— Ну и? Как насчет того, чтобы пойти в ту кондитерскую, которая сейчас так популярна, чтобы немного развеяться? Я угощаю.

<http://tl.rulate.ru/book/105686/4467549>